

Зубную щетку у Линь Хуайшэна вырвали из рук.

Следом его прижали к краю умывальника. Холодная поверхность врезалась в бедра, а сзади навалилось горячее тело. Линь Хуайшэн оказался заперт в пространстве, которое казалось еще теснее, чем эта крошечная ванная комната.

Он чувствовал себя крайне неловко. Линь Хуайшэн не понимал причин такого поведения С, да и действовал тот слишком бесцеремонно: уже сломил психологическую оборону, а теперь решил покорить и физическую. Линь Хуайшэн ощутил недоброе предчувствие — неясную, смутную интуицию, которая тут же переросла в желание уклониться и сбежать. Он попытался вырваться из этого стесняющего положения, но не смог одолеть С. Напротив, тот лишь откинул в сторону его длинные прядки на затылке.

— Мистер...?

Казалось, он снова угодил в западню.

С внимательно разглядывал метку, которую обнаружил на шее Линь Хуайшэна. Сначала он решил, что это след от нападения тех двоих, что произошло вчера, и от этой мысли его затошнило. словно какой-то бродячий пес пробрался на чужую, мирную территорию и оставил здесь свою грязную метку. Но он ничего не мог поделать с этим отвратительным пятном.

Выжечь, вырезать, прижечь — всё это оставило бы на маленьком ягненке еще более страшные шрамы, а он не должен был позволить ягненку страдать. Мужчина впился взглядом в эти два отпечатка пальцев, мечась, словно загнанный зверь, и даже не расслышал, как Линь Хуайшэн позвал его.

Наконец, С коснулся затылка Линь Хуайшэна.

Пальцы, влажные от воды, вызвали совсем иные ощущения. Линь Хуайшэн заметно съежился, подавшись вперед, но С вовремя обхватил его за талию, не давая отстраниться. Маленький ягненок выказал благосклонность к псу, и Centipede отлично вжился в эту роль: пастушья собака, бегая вокруг отары, сужает круг и загоняет животных в нужном направлении. А этот пастуший пес мечтал загнать своего ягненка прямоком в объятия.

С произнес:

— Не двигайся.

Линь Хуайшэн послушно замер.

С погладил кожу, пытаясь закрыть след, но сначала ему пришлось преодолеть сопротивление мягких волос. Они оказались куда холоднее и безжалостнее своего хозяина: не веря в

искренность С, они снова и снова обвивались вокруг его пальцев, словно проверяя чувства на прочность. Стоило С хоть на миг неосторожно дернуть прядь, как они тут же обвиняли его в коварстве и неискренности.

С трудом успокоив непокорные волосы, С наконец накрыл грязное пятно, но вдруг замер, осознав, что его собственные пальцы идеально совпадают с этим следом. Охваченный невероятным потрясением, он целиком сосредоточился на изучении этого отпечатка.

Линь Хуайшэн, глядя в зеркало, заметил нахмуренное лицо С и слегка улыбнулся. Притворившись, что забыл слова мужчины, он едва заметно качнул головой. Наклонившийся С оказался не готов, и откинутые прядки хлестнули его по векам. С инстинктивно зажмурился, а когда открыл глаза, волосы снова стали заслоном для отпечатка, заставляя его то появляться, то исчезать, словно он дерзко дразнил мужчину.

— На что вы смотрите, мистер?

Линь Хуайшэн произнес это так тихо, словно долго сдерживался, и слова едва можно было разобрать.

С поднял взгляд. В зеркале отражался юноша с покрасневшимся лицом, а сам С смотрел на него покрасневшими, воспаленными глазами, склонившись так, что голова его была зарыта в шею Линь Хуайшэна — вылитый больной, извращенный зверь.

Ягненок не мог сам увидеть отпечаток на своем затылке, ослеп он или нет — неважно. Поэтому он не понимал истинной цели С. Как он истолкует эти действия? С чувствовал, что должен объясниться, но, глядя на отпечаток, который подозрительно совпадал с его собственными пальцами, не мог подобрать слов. Он уставился на странно перепутанные зубные щетки на краю раковины.

— Смотрю на твою шею. Она такая сексуальная, такая красивая. Можно тебя поцеловать?

С не стал говорить правду, но, возможно, это не было ложью.

Он любил ягненка всё сильнее — любил этого юношу, пришедшего к нему словно стокгольмский агнец. Любил так, что его идеал обрел очертания, а желания — пристанище. Как он мог не любить эту тонкую, прямую шею? А синеватый отпечаток — первое пятно на этом чистом листе — лишь усиливал экстаз, независимо от того, оставил его С или кто-то другой. Если не он — он перекроет его поцелуем; если он — украсит его поцелуем.

Спросив, С подождал ответа, но ничего не услышал.

Он знал почему и не чувствовал досады: в зеркале ягненок сгорал от стыда, а они с Линь Хуайшэном еще не видели вместе заката. С еще не дождался момента, когда ягненок

добровольно скажет «да», но он знал: красота ягненка в его застенчивости, в попытке отстраниться, и его молчание — самый яркий ответ.

С поцеловал его.

Впервые коснувшись этого места, он вел себя как джентльмен, лишь слегка прижавшись губами, оставляя свое тепло. Но в следующий раз, скорее всего, он оставит там глубокий след от зубов.

Линь Хуайшэн ощутил этот мягкий, но жгучий жар. Разве человеческое тепло может обжигать? Но для него этот поцелуй был словно раскаленное клеймо на коже. Он запрокинул голову, как умирающий лебедь, подставляя шею под выстрел охотника.

Поцелуй стал глубже.

Обнимая ягненка одной рукой, С другой невозмутимо взял зубную щетку, нанес пасту и поднес к губам Линь Хуайшэна.

— Давай, открой рот.

Ему оставалось только сказать: «Давай я почищу тебе зубы».

Линь Хуайшэн поспешно ответил:

— Я сам.

Он был уверен, что мистер С действительно способен на такое.

С позволил ягненку делать по-своему.

Линь Хуайшэн рассеянно чистил зубы, а С, чья рука оставалась свободной, начал шалить: то откидывал длинные прядки, то целовал шею — от того самого отпечатка и дальше.

Он вошел во вкус, вел себя слишком нагло, отчего тело Линь Хуайшэна начало дрожать. Ягненок не выдержал: рука, которой он опирался о раковину, сжалась так, что на тыльной стороне выступили вены, а вся открытая кожа приобрела розоватый оттенок, словно сваренная креветка. Вскоре задрожала и рука, державшая щетку. С наконец добился своего: он обхватил ладонь ягненка, помогая ему, словно заботился о его зубах.

Жесткие щетинки скользили по зубам и деснам, сопровождаемые невнятным мычанием из-за пены. С не видел настоящего ягненка, но через зеркало наблюдал, как тот покорно держит рот

открытым, наполненный зубной пеной.

С был очень сосредоточен, его движения были серьезны.

Он поднес стакан к губам Линь Хуайшэна:

— Набери воды, прополощи и выплюнь.

Пока Линь Хуайшэн склонился над раковиной, полоща рот, мужчина не удержался и снова прильнул к его шее.

Разумеется, у него нашлось отличное оправдание.

— Волосы стали длинноваты, может, подровнять?

Мужчина походил на бестолкового продавца, лишенного всякого искусства речи, но встретив податливого покупателя, он совершил эту навязчивую сделку, пока Линь Хуайшэн не успел сказать «нет».

Он забыл, что должен был делать, о чем должен был спросить.

Забыл, что он похититель, а Линь Хуайшэн — заложник. Стоило открыть дверь этой комнаты, как мир снаружи тускнел, превращаясь в черно-белое кино, поэтому мужчине больше не хотелось выходить, не хотелось покидать Линь Хуайшэна. Теперь он удерживал ягненка, чтобы свить здесь гнездо и предаваться романтическому дурману. С казалось, что в обществе его ягненка всё — романтика. Он самонадеянно решил, что уже сполна вкусил ее.

Он сходил с ума, он уже был безумен, но всякий раз, когда мужчине казалось, что это так, он видел снисходительный и нежный взгляд Линь Хуайшэна. Даже не видя, он старался смотреть на него, и С проваливался в бездну, думая, что он вовсе не сумасшедший.

Он начал подстригать волосы Линь Хуайшэна той же рукой, что держала пистолет, мечтая, как однажды ночью будет танцевать с ним танго в пустой комнате.

В ту же ночь С приснился сон: они с ягненком танцуют бесконечный танец, и даже когда у обоих подкашиваются ноги, они не прекращают страстных объятий.

Проснувшись, С ощутил то же тепло.

Ягненок лежал к нему спиной, в его объятиях. С опустил голову и обнаружил, что одна его рука лежит на затылке Линь Хуайшэна, как раз там, где он нашел отпечаток. Но в ужасе он

понял, что вторая его рука тоже лежит на шее Линь Хуайшэна.

На горле.

Стоило обеим рукам чуть сильнее сжать пальцы, как ягненок из сна был бы задушен.

<http://bllate.org/book/20559/2054841>